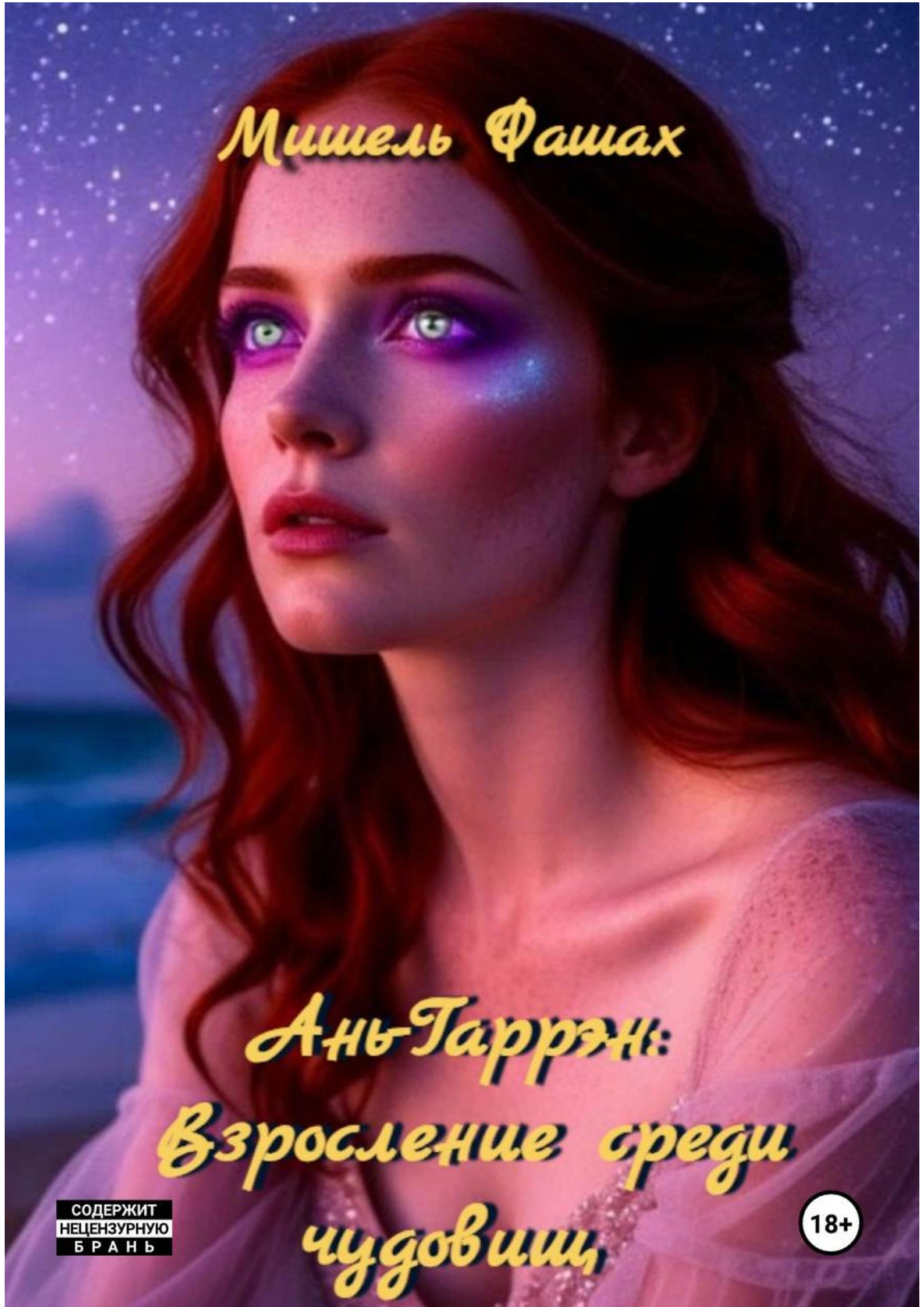

Мишель Фашах

Ань-Таррэн:
Взросление среди
чудовищ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мишель Фашах

**Ань-Гаррен: Взросление
среди чудовищ**

«Автор»

2026

Фашах М.

Ань-Гаррен: Взросление среди чудовищ / М. Фашах — «Автор»,
2026

Молодая ведьма каждый шаг которой контролируют чудовища, называющие себя семьей, пытается найти свободу в городе, который похож на магическую ловушку. Охранники и первые друзья. Магия которая не держится в теле. И необъяснимые запреты. Кто тут на самом деле враг?

© Фашах М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аварийное охлаждение	5
Глава 2. Два тёмных под крышей	7
Глава 3. Чужие запреты	9
Глава 4. Наука, не магия	11
Глава 5. Язык-вирус	15
Глава 6. День Великого Спасения	18
Глава 7. Красная. Мне нравится	20
Глава 8. Без лицензии	23
Глава 9. Кофий	25
Глава 10. Правила Саурана	29
Глава 11. Печать владельца	31
Глава 12. Иллюзии	34
Глава 13. Принцев нет	36
Глава 14. Ход красных	38
Глава 15. Пустыня для ведьмы	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мишель Фашах

Ань-Гаррен: Взросление среди чудовищ

Глава 1. Аварийное охлаждение

Я внезапно обнаруживаю себя в проруби ледяного озера. Первые секунды – только обжигающая вода и боль от льдинок, царапающих кожу. Вдыхаю поглубже – во рту металлический привкус, в нос бьёт озон. Поднимаю взгляд: две луны – глаза космического гиганта, прищур и смешок. Их смешанный свет висит над кронами кривой ухмылкой.

Пару мгновений спустя чувствую пальцы на талии и длинную разноцветную косу, обвившую меня под водой. Так вот почему не тону: он держит. Гадский эльф. Виновник произошедшего.

– Тебе что, жарко стало? – с сарказмом интересуется он, оглядывая озеро, вздыбленное ледяными кристаллами.

– Да.

Посвящать его в провал памяти не собираюсь. К тому же последнее, что помню, – как неукротимо злюсь на него, на Тетрициэля, на дядю Малфи...

– Нельзя было воспользоваться ванной? – не верит он, продолжая играть.

– Она маленькая.

Этот ровный тон всерьёз воспринимать не стоит. На его странном лице читается расчёт, целая шахматная партия. Саурон слишком умный, об этом надо помнить. В детстве я часто попадалась в его ловушки.

– Тебе нужен дом побольше? Тесно стало?

Слова пустые: он проверяет мою стабильность и логику. Фиолетовый глаз горит, как вулкан, чёрный – холоден и точен. Воздух вокруг него тонко звенит. Он готов ударить. Я это видела не раз.

– Хватает. Но я не отказалась бы жить самостоятельно и без надзора...

Саурон бросает короткий взгляд вправо, не отпуская меня. Тоже поворачиваю голову. В тени на кромке льда столбиком застыл Тетрициэль. Глаза испуганные, хотя вид делает невозмутимый.

– Забудь, – говорит Саурон и отпускает.

Некрасиво шлепаюсь в лунку, обдирая руки о кристаллы.

– Вылезай уже. Простынешь. – Он стоит в той же лунке, что и я.

– Никогда не болела.

– А может, стоило. Тогда не устраивала бы таких представлений! А если бы тут кто жил? Расскажу Водяному – он тебя выпорот!

Тревога отпускает. Сразу. Если Саурон перешел на угрозы, значит, все в порядке.

– Лучше пусть выпорот, чем с тобой тут! – ору ему.

Он снова хватает меня и вытаскивает из ледяной воды.

– Мне не нужна неуправляемая ведьма. Что устроила! А если бы в городе?

– Сам запретил мне учиться! Книги запретил!

– Учись... только не магии. В двадцать лет, если сама пожелаешь, обучу лично. Или любой другой маг, который согласится. Осталось всего семь лет...

– Учись? Серьезно? Чему? Где?

– Да чему сама захочешь, только не магии.

– Даёшь слово?

– Даю. Я не запрещал тебе обучаться... – он смущается, чешет затылок.

Вот это меня поражает. Смутить Саурана – достижение. Он сам не понял, как залез в мою ловушку.

– И... извините, господин, – доносится с берега тихий голос, – в общей школе до сих пор слишком много ссылок на магическое прошлое, и вы запретили леди учиться по общеобразовательным программам.

– Значит, у тебя будут лучшие профессора и те уроки, что тебе интересны. С ограничениями. Ками все устроит, через пару дней у тебя будут учителя.

– Обучение на дому? – сразу кисну. Его жена-секретарь позаботится: из дома – ни шагу. Саурон смотрит на застывшего эльфа, наклоняет голову набок, потом на меня.

– Я подумаю, – обещает. – Но ты даешь слово слушаться Малфуриона. Твой гормональный бунт уже начинает его бесить. Еще чуть-чуть – и он сбежит в лес со своей должности. А мне это совсем не нужно.

– Боишься, что отец заставит тебя нянчиться со мной? – мой выпад уже скорее шутка.

– Я могу понянчиться, – прошелестел голос из тьмы.

Мы оборачиваемся. На лед в свете лун выходит Водяной, удивленно осматривает озеро, превращенное мной в тарелку колотого льда.

– Мы уже договорились, – уверенно сообщает Саурон и просит его отправить Тетрициэля домой. – С этой я еще пообщаюсь.

Эльф не отпускает меня, прижимает ближе. Накрывает марево. Алый туман собирается кругами, будто кто-то рисует невидимые узоры, – и я уже в ванной его башни. Вернее, в правительственной, но весь верхний этаж – его обиталище.

– Достаточный размер? – интересуется он, отпуская.

Валюсь на пол. Ноги не держат: то ли от выброса магии, который я устроила на озере и не помню, то ли после долгого ледяного купания.

– Жанна! – орёт эльф, зовя экономку, стряхивая с себя воду и тут же становясь сухим и чистым.

Злость распирает. Маг, который считается полубогом, запрещает мне магию и запирает в домике в пригороде с чёрт знает кем. И как же я завидую этому всесильному ублюдку в этот момент.

В дверях возникает его экономка. Сначала кланяется ему, потом мне и, не моргнув, принимается за мою одежду, раздевает догола.

– Эй! А ничего, что подсматривать... – начинаю возмущаться.

– Думаешь, если бы я хотел посмотреть на тебя, меня что-то бы остановило? – ухмыляется гад, но выходит из ванной.

Выдыхаю злость разом, собираю себя. Нельзя даже намекнуть, что не управляю собой. Короткая потеря памяти – и меня запрут вплоть до двадцати. А Жанна, конечно, все расскажет и Сауруну, и всем заинтересованным.

Отстраняюсь от происходящего. Что на самом деле произошло? Последнее, что помню: влетаю в свою спальню, хлопок двери, жар, и я злая, как древний дракон. И тишина. Как я оказываюсь посреди леса, в озере, набитом льдом, поздней весной? Сколько ни копаюсь в голове, не нахожу нитку, за которую можно тянуть.

Глава 2. Два тёмных под крышей

После вынужденного гостевания в правительственной башне и чудесного завтрака, на который Саурон не пришёл, появляется Ками.

– Собирайся. Отвезём тебя домой. Мне всё равно по делам в Гермес, – говорит она, устраиваясь напротив, пока я допиваю волшебный чай от Жанны.

Я морщусь. Настроение снова уходит в минус. Уже вижу кислую физиономию Тетрициэля и выговор от дяди Малфи.

– Господин посоветовал заехать в магазин, если для учёбы что-то понадобится. Всё, что пожелаешь, – добавляет Ками, подслащивая пилюлю.

«Вот же гад. Кошельком прикрывает манипуляции. Ни слова извинения – и марш по магазинам».

– Может, хотя бы спасибо ему скажешь? – ядовито интересуется Ками.

– За что?!

– За спасение, – уверенно кивает.

– Я не просила себя спасти!

Я вылетаю из приватной столовой и, пролетев правительственную часть как дикий дракон, ухожу на крышу.

Жанна уже ждёт у магомашины. Служебная игрушка для избранных: округлый корпус с круглыми иллюминаторами и россыпью полупрозрачных камней; внутри кресла по кругу, у пилота – руль и матовый экран, куда через систему зеркал выводится дорога. Обычно я радуюсь поездке, как дурочка на ярмарке, но не сегодня. Выдыхаю чёрную тучу злости, сжимаю кулаки и залезаю в салон с самым тупым выражением лица.

– Устраивайся поудобнее, Лида, – кивает Жанна.

«Устроился отлично. Женится, а потом эти “жёны” ещё и прислуживают. Экономка-водитель». Я прикусываю щёку изнутри. Помогает.

Подсаживается Ками. Высокая, спортивная брюнетка, почти ростом с Саурона – гордится собой закономерно. Без магии, что редкость для их семьи – и при этом добила статус временной жены. Одета безупречно; плечи тяжеловаты, подбородок тянет лицо вниз, но подать себя умеет. Жанна – мягче, домашнее, никогда не раздражает. Я отворачиваюсь к окну, чтобы не накручивать себя дальше.

Мордор в кольце гор всё так же перехватывает дыхание. На подлёте к Гермесу снова отмечаю правильные круги улиц. Зачем маленькому пригороду такие сложности? Историю мне как науку тоже не дают: каждая книга проходит фильтр. Издательство присылает новинки, но допускают крохи.

Магомашина садится у калитки. Ками внимательно прослеживает, чтобы она за мной захлопнулась. Впустить – пожалуйста. Выпустить – только с охраной или кем-то из «семьи». Машина взмывает и исчезает за крышами.

И тут слышу за углом удары. Не слова. Запах не страха – хуже: обречённости. Он пугает меня больше всего. В виске щёлкает знакомо: будто где-то ломают сухую ветку. Вспыхивает и тут же гаснет.

За углом картина странная: Тетрициэль, после короткой реплики незнакомого тёмного, бьёт его изо всех сил. Тот отвечает, блеснуло лезвие. На вид «новому» по-человечески лет девятнадцать, значит – настоящих под семьдесят. Тетрициэлю – пятьдесят, выглядит на шестнадцать. Крупнее и опытнее соперник всё-таки отступает на полшага после следующей фразы Тетрициэля. И всё же тёмный не стерпел, сбил моего охранника на грунт.

– Ты будешь меня слушать. Иначе я не остановлюсь, – рычит Тетрициэль голосом, которого я у него не слышала.

Я дёргаюсь, и следующий удар уходит вхолостую. Оба меня замечают. Прятаться бессмысленно. Подхожу.

– Привет. Представишь своего нового... друга?

– Сивэль, – цедит Тетрициэль, белея костяшками на рукояти, и встаёт между нами.

Незнакомец спокойно оглядывает меня снизу вверх, отмечая детали, и только потом встречает взгляд. Я протягиваю руку. Не чтобы он её целовал, а чтобы закрыть вопрос. Эльф едва заметно тянется навстречу, но Тетрициэль отводит мою ладонь.

– Пускай посмотрит, – говорю.

– У меня что, глаз нет? – отзывается Сивэль.

– Обычно все пытаются потрогать. Думают, я красила кожу, – пожимаю плечами и убираю руку.

– Тут не краска, – спокойно произносит он. – Верх – почти прозрачен, с лёгким перламутром. Ниже – тон зелени, потом молочно-персиковый. Яркий алый глубже, похоже, из-за плотной сети сосудов.

– Наблюдатель, ещё и с языком, – не удерживаюсь.

– Хотя при всей необычности трогать не тянет, – усмехается, демонстрируя короткие клыки. – Глаза нравятся куда больше.

Я плачу ему тем же, медленно рассматривая нового эльфа. Высокий. Серая кожа – скорее металл. Светлые глаза. Волосы – как чёрное серебро, собраны в высокий хвост. В тени он просто исчезает. Странная красота.

– Сивэль – новый охранник. Ночной, – отрезает всё ещё злой Тетрициэль.

– Отвратительно, – говорю и ухожу в дом.

Наружная дверь хлопает так, что витраж узкого коридора звякает. Я дышу, как паровоз. Один охранник – мало? Теперь ещё и ночной? Где жить будете, господа? Единственная ванная – на минус первом, напротив комнаты Тетрициэля. К этому я привыкла... но два тёмных под одной крышей?

Зависаю в предбаннике, пытаюсь успокоиться. Внутренняя дверь открывается. На пороге – дядя Малфи.

– Заходить собираешься? – спрашивает он.

– Ещё один охранник?! В этом домике всем хватит места?!

– Отдельно жить тебе всё равно не разрешат, – ставит точку Малфурион.

– Отвратительно, – шиплю и, пролетев мимо, прошкрёбаю каблуками все ступени наверх, захлопываю дверь так, что, кажется, слышно на улице.

Глава 3. Чужие запреты

До вечера ко мне никто не заглядывает. Лежу и жалею себя, уставившись в потолок. Когда светило клонится и мир окрашивают две луны, меня банально припечатывает нужда.

Приоткрываю дверь – новый охранник на стуле у балконной двери. Когда он успел подняться? Лестница скрипит специально, чтобы слышать, как я спускаюсь. Эльф вертит в пальцах кинжал. На скулах – два целительных листа. Дрались знатно. Как они собираются жить вместе?

Он просто смотрит. Нога на ногу. Иногда клинок раскручивается пропеллером и мягко садится в ладонь. Я подхожу ближе, рассматриваю его в лунном свете. Красивый по-своему. Длинные пальцы, мозоли – с мечом он работает. У Тетрициэля такие же.

– Всё рассмотрела? – он даже не прячет довольства. – Любишься?

– Было бы чем любоваться.

Взглядом скользит по моим ногам в коротких шортиках. Смущения не вызывает. В этом доме я давно научилась чувствовать себя в безопасности.

Кинжал снова закручивается. И у меня возникает идея. Не вреда ради, а чтобы проверить реакцию. В очередной момент сую ладонь под траекторию лезвия – и не успеваю. Эльф перехватывает моё запястье раньше, чем я могла бы порезаться.

– Ты чего задумала? – искренне удивляется он. – Так не делай. Это опасно. Совсем безмозглая?

Улыбаюсь криво, разворачиваюсь и ухожу вниз. Он идёт следом даже на минус первый.

– В туалет ко мне тоже пойдёшь? – останавливаюсь у двери в ванную.

– Нет, – спокойно отвечает он. – Там нет окон.

Поднимаюсь на первый этаж, останавливаюсь и медленно заплетаю косу. Новый охранник молча стоит у входа в общую и наблюдает. Ничего не предпринимает, пока я не тянусь за сковородой.

– Нет, – спокойно произносит он.

– Что «нет»? – опешиваю. Его рука больно сжимает моё запястье, пока я не отпускаю сковороду.

– Нет. Ты голодная. Я сам.

Он ловко включает печь. Удобно быть эльфом с магическими способностями. Хоть у меня они тоже есть.

– Я умею пользоваться кухонными приборами!

– Сядь, – кивает он на диван в общей.

– Ты что, кухаркой на полставки устроился? – язвлю.

– Разрешений пользоваться опасными приборами на этой кухне не было. А после того, что ты устроила наверху, думаешь, я доверю тебе нож?

Закатываю глаза и вздыхаю.

– Не хочешь спросить, что я хочу на ужин?

– Ты весь день не спускалась. Думаю, сейчас и подошву съешь, – издевается эльф.

Приходится действительно уйти в общую. Сажусь на диван, пытаюсь унять злость.

– Пить хочу!

Не говоря ни слова, он наливает воду в стакан, потом, подумав, переливает в кружку и приносит.

– И стакану ты не доверяешь? Вилка тоже под запретом?

– По крайней мере временно...

– Спроси у Тетрициэля! Я сама готовлю с десяти лет!

– На пересменке спрошу, – кивает он и отворачивается к открытой кухне, машинально потирая челюсть.

Не хочет будить агрессивного сослуживца... Что у них там случилось?

По крайней мере, управляется с кухней достойно. Отворачиваюсь к окнам. Они странные: часть расположена нелогично, а там, где просится окно, – имитация: панно с ночным небом. Может, действительно стоит затребовать новое жильё у Саурана? Дядя Малфи странный: мэр Гермеса, а живёт в двухэтажном домишке. Единственное преимущество – охранная система и глушилки в стенах.

Пока размышляю, Сивэль заканчивает и ставит передо мной нечто подозрительное. Тыкаю ложкой, осторожно пробую и кривлюсь. Магией несёт, как от конюшни навозом.

– Не нравится? – удивляется эльф.

– Зачем столько вкусовых иллюзий?

– Ты же магичка... Должно быть в порядке, – бормочет он.

– Не совсем. Скорее ведьма.

– В чём разница? – без тени шутки спрашивает Сивэль.

– Саурон говорит – в контроле, – отворачиваюсь. – Поэтому магии не учат. Говорит, что в двадцать я смогу контролировать магию, а пока слишком опасно.

Аппетит испорчен.

– Это глупо! Если бы мне объяснили основы, может, я как раз лучше бы контролировала. Необязательно сразу учить сложному! Маг, а такой тупой! – срываюсь.

Слёзы снова подступают. Быстро ухожу в свою комнату.

Пытаюсь отвлечься. Скоро обещали настоящие курсы; наконец-то будет куда выгулять наряды, которые приходится регулярно выкидывать из-за тесного шкафа. Смотрю на узкий, туго набитый шкаф, батарею коробок с обувью и сваленный в углу клубок украшений. «Семья» будто сговорилась – дарят ожерелья на каждый праздник. Половину уже не распутать. Представляю лицо грабителя, наткнувшегося в этот снежный ком из золота и драгоценных камней.

Недавно Малфурион признался, что в детстве мне пытались дарить игрушки. Каждая улетала в окно. Питомцев заводить не разрешали. Водяной шутил, что у меня есть личный «бычок» – так он звал дядю Малфи; без иллюзии у того действительно рога. Впрочем, как и у отца. Я ощупываю голову: у меня пока ничего не прорастает... хотя я не против. Очевидно, я не человек. У отца ещё и хвост был, змеиный. Этому я завидую чёрной завистью.

Из друзей – разве что дядя Дольф. Тетрициэль слишком странный, чтобы звать его другом.

Вот и мечтаю уйти хоть куда-то, где будут нормальные люди. А не те, кто мне вилку выдать боится.

В дверь стучат. Открываю. На пороге Сивэль. В руке – фрукт, протягивает мне.

– Что, без магии готовить никак?

– Не вижу смысла.

– Дядя Малфи дома?

– У меня нет задачи следить за ним.

Противный эльф. Тетрициэль бы ответил. Я снова хлопаю дверью.

Глава 4. Наука, не магия

Спустя пару дней я впервые, наверное, за полгода чувствую не злость и не ярость, а воодушевление и радость. Предчувствие чего-то хорошего. Выхожу из калитки за Тетрициэлем, переживаю, правильно ли одета, бесконечно поправляю юбку. Кажется, на каблуках либо упаду, либо взлечу.

– Зря вы отказались от гербовой заколки, – говорит он, не глядя.

– Зачем? Лишняя побрякушка. Я и так буду как клоун. Как будто весь Мордор не в курсе про краснокожую дочку мэра Гермеса...

Даже это обстоятельство меня не пугает. Два квартала – и вот двери. Здание отдали под курсы, его как раз перестраивают: левое крыло закрыто лесами до самой крыши, внутри пахнет краской и чем-то цементным. В коридоре эхо, стучат чьи-то каблуки, гудят голоса. Тянусь к ручке, но Тетрициэль опережает. В полуоткрытую дверь успеваю увидеть несколько парней, услышать мужской смех, шелест бумаги. Отступаю на шаг. Он захлопывает дверь и вопросительно смотрит на меня.

– Мне казалось, леди, вы хотели начать обучение...

– Хотела. Ты-то здесь при чём? Мне ещё не хватало вооружённого тёмного рядом. – Вся радость испаряется.

– Вас всё равно узнают. Зачем притворяться «обычным» человеком?

– Да, кожа красная. Да, официально дочь мэра. Но можно я хотя бы на время занятий останусь без вооружённой охраны? Куда я из кабинета денусь? Как, по-твоему, нормально учиться, когда за спиной угрожает пятидесятилетний тёмный с мечом?

– Я не пытаюсь вам угрожать.

– Не мне. Но каждый в той комнате будет это чувствовать. Сам раскинь мозгами.

– Я всё равно останусь с вами.

– Останься за дверью. Не внутри, – упираюсь.

У эльфа заходят желваки, взгляд темнеет. Он ищет слова.

– Какой смысл в такой учёбе? Можно было и домой учителей пригласить! – разворачиваюсь и почти бегом лечу к выходу... и врезаюсь в громилу, вывернувшего из-за угла.

– Ай! – потираю ушибленное колено.

Тетрициэль мгновенно поднимает меня на ноги, проверяет, цела ли.

– Ой, прости! – смущённо говорит громила.

Смотрю на препятствие. Полуорк. Точно. На вид лет девятнадцать. Большой, но не массивный. Волосы чёрные, виски подбриты, брови густые, нос когда-то ломали. Глаза – тёплый янтарь, спокойные.

Я отдёргиваю руки охранника.

– Это ты меня прости. Сама виновата. Я Лида, – протягиваю руку.

– Бранн, – полуорк уже тянется, но Тетрициэль снова вмешивается, отводя мою ладонь.

Мир подёргивается лёгкой голубоватой плёнкой. Эмоции отступают. Моргаю и слишком внимательно смотрю эльфа в глаза.

– Убери руки.

– Убери, – глухо вторит полуорк.

Я поворачиваю голову к нему, моргаю ещё раз – зрение и слух приходят в норму. Только после этого Тетрициэль отступает на шаг.

Понятно. Охранник сдаётся и остаётся снаружи. Мы с полуорком входим в аудиторию.

Едва успеваю оглядеться. У окна – небольшая стая парней, они обступили девушку так плотно, что её не видно, только слышен высокий голосок. Занимаю место на первом ряду;

остальные заняты. Полуорк уходит назад и мгновенно находит себе собеседника. Я наблюдаю за брачным танцем самцов. В романах такое встречалось сотни раз, но вживую вижу впервые.

Дверь распахивается, и в аудиторию торопливым шагом вступает гном с ворохом тонких складных стоек и внушительным рюкзаком. Стойки почти мгновенно превращаются в держатели; на них он молча развешивает схемы, поднимает планки на «правильную», по его мнению, высоту. Аудитория медленно, но верно расползается по местам и затихает.

– Воздушное метро, – объявляет гном. Он молод, борода совсем тонкая.

– А познакомиться? – нахально бросает кто-то слева.

– Познакомьтесь сами. Тут не клуб свиданий. И мы не в школе. Не будем терять время.

Гном щёлкает по первой схеме.

– Воздушное метро – канатная линия городского масштаба. Движение непрерывное. Узлы: приводная станция, натяжная станция, опоры, несущий-тяговый канат, подвески с кабинами, съёмные зажимы.

Он переворачивает лист: продольный разрез станции.

– Привод. Паромашинный зал крутит аркано-маховик: большой литой диск с медной «клеткой» и гнездами кристаллов-накопителей. Пар даёт тягу, кристаллы через магосхему регуляции сглаживают рывки и держат профиль разгона/торможения S-кривой. Резерв – ручной аварийный привод.

Руку поднимает моя соседка, и я только теперь соображаю, что рядом со мной гномка. В мягком кожаном комбинезоне, я сперва и не признала в ней девицу. Короткая неровная стрижка, прихваченная медной проволокой; тёмно-каштановые волосы; на предплечье тонкие белёсые ожоги.

– Вопросы – в конце первого блока, – осекает её лектор.

У меня самой уже десяток. Спешно набрасываю их в тетрадь: сначала на общем, потом для скорости на семейном языке.

Следующая схема: кривая провеса.

– Канат. Сталь, многопряд, оцинковка. Считаем нагрузку: собственный вес плюс кабины, люди, ветер. Запас прочности – не ниже пяти. Провес держит натяжная станция: балансирные колодцы с грузами и манометр для подстройки при ходах температуры.

Поток информации меня накрывает. Не замечаю, как рычу и царапаю карандашом бумагу.

Гном останавливается, смотрит прямо на меня и ждёт, пока я перестану кромсать лист. Забирает тетрадь, возвращает обратно. Он успел прочесть только первые три вопроса. Кажется, заливаюсь краской... хотя куда уж больше. Я и так красная с рождения.

– Перерыв, – объявляет лектор и поспешно выходит из аудитории.

– Что его так взбесило? Ты там похабную картинку нарисовала? – гномка заглядывает мне через плечо.

– Нет, я не умею рисовать. Я Лида, – пытаюсь обезоруживающе улыбнуться.

Она привычно вытирает ладонь о рукав плотной рубашки и подаёт руку.

– А я Блати, – мшисто-зелёные глаза с медными искрами смотрят спокойно; вокруг глаз – светлые полосы от защитных очков. – Чего ты там не поняла?

– Что значит «пар даёт тягу»?

– Прямо значит, – кивает Блати. – В котле греют воду. Пар под давлением идёт в цилиндры, толкает поршни. Поршни через шатун крутят вал. На валу – маховик. Маховик сглаживает пульсации хода, а кристаллы в магосхеме подравнивают разгон и торможение, чтобы кабины не кидало.

Я смотрю на неё с сомнением.

– Ты что, в школе не училась?

– Нет, – отвечаю, стараясь не смущаться. Не моя вина. – Что за цилиндры?

Блати быстрыми штрихами набрасывает в своей тетради схему, поясняя по ходу, что к чему – простыми, бытовыми примерами. Не осуждает, и я радуюсь даже этому. Но с заднего ряда отчётливо пронеслось: «неуч».

Лектор возвращается; от него тянет крепким табаком. Он смотрит на меня так, будто видит бронку впервые в жизни.

– Видимо, придётся увеличить наши лекции раза в четыре. Что именно на этом этапе вам непонятно? – обращается он только ко мне.

– Например, почему канат не рвётся в месте перегиба.

Гном поднимает брови и делает осторожный шаг назад. С заднего ряда хохочет какой-то парень:

– Знамо чё, заговорённый канат-то! Во дурёха!

Гном сурово смотрит на болтуна.

– Пятьсот лет назад магией пользовалось девяносто девять процентов людей и гномов. Сейчас – один процент. Из них более девяноста пяти из ста способны разве что включать бытовые артефакты прошлого. На настоящий момент стабильность работы устройств обеспечивает по большей части наука, а не магия. И курс у нас соответствующий. Попробуйте теперь объяснить, почему канат, выдерживающий вес кабин и пассажиров, не рвётся, – предлагает лектор.

Аудитория стихает. Парень мямлит, потом выстреливает гениальное:

– Он из железа! Крепкий, то бишь!

Блати не сдерживает смехок.

– Купить эльфа, пускай он магичит, можно. Эльфы магию не утеряли, – пропевает девица у окна.

Рассматриваю её внимательнее. На груди блестит герб семьи Брескироньо. Одежда по последней моде, кружевные перчатки, взгляд ледяной.

– Вот станете правителем Мордора – купите эльфа и заставите его магичить, – ухмыляется лектор. Лебезить он не намерен. – А для большего успеха предприятия всем, кто считает так же, предлагаю не тратить время на мой курс и заняться менеджментом. Или алхимией. Вдруг именно вам удастся превратить свинец или ртуть в золото.

– Зачем? Можно просто плантацию глюкоманки завести. То же золото! – выкрикивает белобрысый с первого ряда. На него шикнули, но поздно.

– Как вас зовут? – спокойно интересуется гном.

– Вирен Даренти, – гордо поднимается блондин.

– Рекомендую взять вас в ближайшее время на стажировку в Министерство законотворчества и порядка. Поработаете там бесплатно полгода, заодно подтянете юриспруденцию.

Аудитория взрывается смехом.

– Я делаю это только для вашего блага, – продолжает лектор, что-то чиркая в блокноте. – Глюкоманку запрещено выращивать, распространять и употреблять уже лет двести как. Запрет – из разряда нулевой терпимости. Это значит: без суда и следствия. Никто никогда не видел обвинённых после оглашения вины.

– А кто вину устанавливает? – хрипловато спрашивает гном с задней парты.

– Господин Саурон. На моей памяти он накрыл сеть производителей, распространителей и потребителей за один вечер. Лично.

– Твой план обогащения накрылся! – гортанно хохочет Бранн.

– Никто не запрещает уехать за пределы Великого Болота и там этим заниматься. Водяной тоже не одобряет, но за пределами болота можете хоть чай из неё пить, хоть курить, хоть в трусы засовывать. Они не против, – подаю голос, уже расслабившись.

– Тебе-то откуда знать? – бросает кто-то.

Гном стучит кулаком по столу. Кулак у него как кузнечный молот; стол даже косится.

– Хватит. Возвращаемся к теме лекции.

До конца блока он так и не доходит: вопросы сыплются, как из рога изобилия. И к практике с такими вводными он нас не допускает. Но я выхожу из аудитории счастливая.

Мы с Блати шмыгаем мимо парочки – Бранн и его новоиспечённый приятель – и ускользаем от моего охранника. Останавливаемся у перехода.

– Спасибо тебе огромное, что возишься со мной! – я в сердцах сжимаю её маленькие ладони. Она ниже меня на две головы, приходится наклоняться.

– Да ничего, – спокойно отвечает Блати. – Самой становится понятнее, когда объясняешь. И взгляд у тебя свежий. В каком-то смысле это даже преимущество.

Внутри поднимается дикое чувство собственности. Хочется схватить гномку в охапку, дотащить до моей комнаты и не выпускать, пока она не расскажет всё-всё. Я давлю это желание.

– Блати, тут за углом неплохая чайная. Давай угощу, – предлагаю, лелея надежду на продолжение разговора.

– Извини. Ещё две страницы эльфийского переводить до завтра. В школе задали.

Я понижаю.

– Встретимся послезавтра! – она уже прощается, переходя дорогу к посадочной станции.

Глава 5. Язык-вирус

Лишь когда она скрывается из зоны видимости, я чувствую присутствие Тетрициэля. Как давно он стоит, прикрывая меня спиной от взглядов других посетителей курсов?

Тяжело вздыхаю. Лёгкость испаряется. На плечи падает саван огорчения, и я, опустив голову, плетусь к дому. Перед калиткой задерживаюсь на пару секунд, пытаюсь вдохнуть воздух свободы ещё раз, за что отхватываю суровый взгляд темного. Пытаюсь найти хоть что-то хорошее в ожидающем доме. Хочется рассказать дяде Малфи всё про курсы, и с радостью влезаю внутрь. Но дома пусто. Кажется, мой опекун за последнюю неделю появлялся здесь пару раз от силы.

С размаху падаю в кресло и с раздражением кидаю на журнальный столик тетрадку с записями. Пока пялюсь в мозаичный потолок, не замечаю, как эльф подходит. Он заглядывает в записи.

– Леди, эти записи... зачем они вам? – спокойно интересуется Тетрициэль.

Даже надеюсь: вдруг получится поговорить нормально. Ему правда интересно? Может, зря я запрещаю ему идти со мной? Вдруг эльф сам интересуется техникой?

– У нас сегодня был такой занимательный гном! Молодой и странный. Принёс схемы воздушного метро и ка-а-ак начал всё рассказывать и показывать! А я слов половину только поняла! А гномка... ну ты видел гномку, с которой мы выходили? Она чудесная и умная! – выпаливаю на одном дыхании. Эльф не перебивает, смотрит внимательно. Я даже улыбаюсь ободряюще. – Она руку подняла, а он сказал «вопросы после»... и я начала записывать всё-всё, что мне непонятно! Но непонятно столько, что я не успевала. Лектор заметил... остановился... заинтересовался моими вопросами... После перерыва – наверное, подумал – начал на них отвечать!

– Лектор видел ваши записи? – уточняет эльф, листая тетрадь.

– Да. Он заметил, как я порвала лист, пытаюсь писать быстрее.

– Он видел запись на семейном языке?

У меня всё обрывается внутри. Ну да. Именно этого я и ожидала от Тетрициэля. Хоть что-то стабильно.

– Кто-то ещё видел?

– Нет, только лектор. Не думаю, что он вообще понял, что это. – Я решаю не сдавать Блати и как можно меньше светить лектора. Он так быстро вернул тетрадь... Наверняка прочёл один-два вопроса.

Тетрициэль медленно закрывает тетрадь и прячет во внутренний карман сюртука.

– Отдай, пожалуйста. Там нет ничего страшного. Эти записи мне нужны, – прошу без особой надежды.

– Я вынужден показать это господину Малфуриону, – лицо у него вытягивается, становится похоже на маску. – Вы же знаете: семейный язык нельзя использовать в присутствии других.

– Какой же ты... – у меня даже слов не хватает для обвинения.

– Отвратительный? – подсказывает он. – В последнее время вам нравится это слово.

Я замираю. От него веет обречённостью. Треск из кухни вспыхивает в голове сухим хрустом чужой кости. Почему-то именно сейчас перед глазами мелькает фигура Саурана... Только странная. Не самоуверенный всемогущий гад, а другой: терпко пахнет кровью, вокруг всё горит. Воспоминание из раннего детства? Что случилось? И почему я всё чаще вспоминаю это, когда ругаюсь с Тетрициэлем?

Вздрагиваю, срываюсь с диванчика и лечу к себе в комнату. Боковым зрением ловлю тень Сивэля на ступеньку ниже: он видел всю сцену. Я просто прячу слёзы.

Запираюсь, прислоняюсь к двери спиной и сползаю на пол. Что происходит? Я вспоминаю, как видела что-то ужасное, сотворённое Сауроном, когда была слишком мала? Поэтому меня держат под его полным контролем? Я свидетель? Что он мог натворить, если Тетрициэль до сих пор дрожит при его виде? Мне повезло выжить, потому что я ничего не помню? Или, потому что, мой отец тоже замешан?

Руки дрожат. Я заставляю себя успокоиться, беру блокнот и по памяти повторяю вопросы – опять на семейном. Потом аккуратно переписываю в новую тетрадь на общем. В процессе уже мечтаю о встрече с Блати и о том, как она будет объяснять тайны механики... И засыпаю. Просыпаюсь вся в графите, постель тоже в серых разводах. Карандаш всё ещё в руке.

Спускаюсь умыться – и на первом этаже обнаруживаю мило беседующих за крепкими напитками Саурана и дядю Дольфа. Вот это сюрприз.

Подлетаю к любимому родственнику, обнимаю и целую от всей души.

– Я сейчас приведу себя в порядок – и болтаем. Только дождись! – умоляю, слетая вниз по ступеням.

Возвращаюсь, ставлю чай – и сразу влетаю Дольфу на колени. Он тёплый, как печь. В этот раз собран на человеческой крови – массивный, без эльфийской «тонкости». Он только улыбается, рассматривает меня своими синими глазищами.

– Как курсы? Лектор справляется? – вкрадчиво интересуется Саурон, когда я наконец перестаю сопеть от счастья.

– Справляется. Забавный. Хотя судить рано.

– С кем-то познакомилась? – продолжает он.

– Да. С полуорком, например.

Дольф задорным басом смеётся:

– Правильно. Задохлики – это не наш уровень! – поднимает ручищу, демонстрируя исполинские мышцы. – Сама-то когда начнёшь расти? Смотрю, как была мелкой, так и осталась... всё жду, когда вырастешь, чтобы форму качать!

– Думаю, она почти достигла максимального роста, – вставляет Саурон.

Дольф легко поднимает меня и ставит на пол, потом встаёт сам. Мои глаза едва достают до его пояса.

– Не годится... – качает головой и снова усаживается. – Ты что, гномка?

– Гномка моего возраста на две головы ниже, – возражаю, снова устраиваясь без спроса у него на коленях.

– Тебе надо с орчихами общаться. Тебя же только такие барышни интересуют?

– Насколько они сильные?

– Очень!

– Только их всё меньше и меньше... – протягивает Саурон. – Ещё сотня лет – и чистых орков не останется.

– Почему? – заинтересовывается Дольф.

– Пару трудно найти. Для эффективного соития партнёр должен победить самку в явном физическом противостоянии. Да, пары образуются и по договорённости, но действительно сильное потомство так не рождается.

– В следующий раз вызывай меня на крови орка! Я тут устрою демографический взрыв! – хохочет Дольф.

– Куда? Если тебя на крови орка вызвать, ты в дверь не влезешь.

– Так мне и не нужно влезать в двери. Можно трахаться и снаружи, – пожимает он плечами.

У Саурана взлетает бровь и дёргается рука. Иногда в такие моменты он шлёпает себя по лицу. Выглядит одновременно забавно и трагично.

Чай шипит на плите. Я предлагаю гостям, но у них напиток поинтереснее. Приходится слезть с тёплых коленей и пересесть, демонстрируя воспитание. Саурон чем-то недоволен, но молчит.

– Мне сказали, ты семейной клинописью балуешься, – вроде между делом бросает он, когда я устраиваюсь на диванчике.

– Лишь чтобы ускориться...

– Не стоит. Если будет непонятно – я заставлю лектора прочитать весь курс заново, – ухмыляется разноцветный эльф и хищно показывает клыки.

– Ага. Чтобы однокурники меня возненавидели сильнее?

– Кто-то сказал одиозное?

– Ничего, чего я не ожидала услышать.

– Помощь нужна? – спрашивает Дольф.

– У неё вообще-то охранник рядом, – комментирует эльф.

– Видел я вашего охранника, – фыркает Дольф. – Дунуть – и нет его.

– Там все настолько юны, что младше его вдвое... Думаю, он справится, – отрезает Саурон.

Я хмыкаю. Оба замечают.

– Постарайся не демонстрировать знание семейного, – на удивление спокойно просит Саурон. – Все вопросы решай через Ками.

– Опять через эту...

– «Эта» полезна. Организационные вопросы закрывает сама. Тем более что в ближайшее время нас не будет в городе.

– Что-то случилось? – резко переключаюсь на семейный.

– Да. Отец недоволен восточниками: они снова сливают в океан что-то странное, – Дольф демонстративно разминает плечи. – Объяснить надо бы, что так нельзя.

– Поэтому дядя Малфи почти неделю дома не появляется?

– Да, у него своя задача, – подтверждает громила.

От него идёт такая уверенная, спокойная волна, что каждое слово – как гвоздь, вбитый намертво. Единственный член «семьи», который вызывает полное доверие и желание идти выполнять задачи. Он разительно не похож на своего отца и, особенно, на Саурана. В присутствии Дольфа даже Саурон раздражает меньше.

Мы болтаем ещё немного – и они исчезают в кровавом мареве, по-мальчишески держась за руки. А я принимаюсь за чай.

Глава 6. День Великого Спасения

Дяди Малфи в городе, похоже, не будет ещё дня три, а то и больше. Я открываю стазис-шкаф и задумчиво смотрю на полки. Эти дни вполне могут стать спасением... Вспоминаю, что-то важное по датам. Что именно я могла бы использовать?

Блуждая взглядом по кухне с распахнутым стазис-шкафом, натыкаюсь на календарь событий. Гермес – культурное сердце Мордора, хоть и на окраине. Тут маленькие театры, галереи талантов, казино – единственное разрешённое, и пара сомнительных мест. Одно из них – центральная таверна на улице Роз: да, с эротическими постановками и «услугами», но главное – ресторан. Меня когда-то учила готовить без магии повариха оттуда.

Самое важное – Торговый центр Гермеса. Не крупнейший, но один из значимых. Каждый день там событие; в центре – амфитеатр с представлениями. Центр печатает календарь. Пробегаю глазами. Сегодня – День Великого Спасения. Спасения чего и от чего – неважно. В такие дни обязательно есть шоу, часто с магией. Это не выставка посуды.

План созревает мгновенно. Хватаю по нескольку яиц и бросаю на пол. Пузырь ловит – и в утилизацию. Следом – приличный кусок сыра. Для верности прижимаю к плитке носком – мусор так мусор. Растерзанный руками хлеб, пара овощей. В стазис-шкафу сиротливо остаётся кусок говядины – рука не поднимается. Но если уж саботаж, то честно: отправляю в утилизацию крупу, муку, часть дорогих полуфабрикатов из лавки при Таверне. Захлопываю дверцы с победным грохотом. На завтрак у меня ничего. И у эльфов – тоже. Как и на обед.

Разворачиваюсь – ловлю заинтересованный взгляд Сивэля. Он сидит в общей и через весь дом видит меня с тряпкой и пустыми полками.

– Ты забыла говядину.

– Нет, – открываю шкаф снова и тщательно вытираю полки. – У нас тут завелась плесень. Странная. Говядину обошла стороной. Пришлось всё выбросить. Шкаф обработаю.

– Если была плесень, говядину тоже выкидывают. И тряпкой это не лечится. Но в стазис-шкафу плесени быть не может, по определению, – спокойно сообщает Сивэль. – В крупе и муке тоже «плесень»?

– Может, не плесень. Червяки. Я не рассматривала. Ужас он и есть ужас. Зачем в нём разбираться? А ты чего утром тут?

– Тетрициэль попросил подежурить пару часов. Скоро вернётся.

– Тогда приятных сновидений.

Он моргает, не понимая.

– Я дождусь его наверху. Соберусь заодно. Надо пополнить продуктовую корзину.

Он кивает. Я чинно поднимаюсь по лестнице, добросовестно проскрипев каждой ступенью, и действительно собираюсь «за покупками». Спускаюсь – у двери дежурит Тетрициэль.

– Нам за покупками, – иду к стазис-шкафу, распахиваю – внутри пусто.

Похоже, Сивэль всё-таки «спас» последний кусок мяса.

– Хорошо. Вы готовы? – ни капли удивления.

– Да.

За калиткой берём курс к центру. Огромная стеклянная крыша торгового центра блестит цельным драгоценным камнем. Перевернутая трапеция, стальные рёбра – зрелище цепляет. Ночью город держат два «камня»: Изумруд-казино – вытянутая капля с зелёной подсветкой, и Аметист-таверна. Днём бриллиантом сияет Торговый центр. С соседней станции воздушного метро плетется стайка людей. Вывеска уже видна; я ускоряюсь – хочется узнать, что за представление. Меня останавливает Тетрициэль.

– Вы хотели продукты, – мягко, но железно. И сворачивает меня в сторону от центра.

– Конечно. Запасов нет.

- Овощи – у мадам Икрамаэ. Там же оформим бакалею. За мясом я отправил Сивэля.
- Но в центре лучшее...
- Слишком много людей для прогулки по павильонам.
- С моей защитой не справишься? – язвлю.
- Сегодня небезопасно. В городе нет ни одного представителя вашей семьи.
- Тогда зачем всё это?!
- Вы хотели купить продукты.

Хочется ударить. Я прикусываю губу до крови.

– Домой! – срываюсь и бегу обратно. В середине дня стазис-шкаф будет полон, а шкафчики – разложены. Аппетит, как и настроение, убит.

К счастью, нотаций мне не читают. К вечеру спускаюсь – всё на местах. Готовлю ужин, в том числе на двоих охранников. Я всегда готовлю «на несколько» – иначе не умею. Разве что блинчики – на себя. И то тесто остаётся в кастрюльке: кто захочет, продолжит ритуал.

Глава 7. Красная. Мне нравится

К вечеру следующего дня я уже нетерпеливо кручусь перед зеркалом. За день распутала часть своего клубка украшений и соорудила из ожерелья с топазами и простой заколки нечто – кажется, Блати оценит. До дрожи хочется увидеть и её, и гнома-лектора. Я едва дождалась вечера.

– Сядете у края, как в прошлый раз. Ближе всего к двери, – инструктирует на подходе к аудитории Тетрициэль. Я только киваю.

Лектора ещё нет, Блати тоже не видно, и я успеваю снова понаблюдать брачные танцы перед «самкой». На этот раз самцы подготовились: каждый с подарком. С досадой ловлю себя на том, что и у меня в кармане юбки спрятан свёрток для Блати.

– Приветствую, – раздаётся над ухом гортанный голос. Полуорк.

– Здравствуй.

– Не против, если присяду позади? – спрашивает он.

– Буду рада.

Бранн опускается на скамью, глядит туда же, куда смотрю я, и криво хмыкает, обнажая сточенный клык.

– Тоже так хочешь? – спрашивает он.

– Танцевать вокруг самки? – задумываюсь вслух.

Он прижимает кулак к губам, чтобы не спугнуть чужой ритуал.

– Быть такой самкой. Ну... девушкой, вокруг которой «танцуют»? – выговаривает, едва сдерживая смехок.

– Зачем? Если бы ей кто-то нравился, танцев бы не было.

– Она ни одного толком не знает. Вдруг понравится... – неуверенно возражает он.

– Начать стоило с того, чтобы узнать, что её привлекает. Вдруг ей по вкусу зелёное оперение и краснушка в сахаре. Но, похоже, её интересами никто не озабочен.

– Она из семьи ниио Брескиронью. Таких невест обычно разбирают сразу после отбора. С этой неясно: то ли через два года можно будет... то ли через семь. В любом случае любой из отцов этих птенцов будет рад такой «курочке», – шепчет мне на ухо Блати; я и не замечаю, как она подходит.

Я смеюсь, уступаю ей место рядом и знакомлю Бранна с гномкой. Вскоре подтягивается приятель полуорка, но мы успеваем обменяться с Блати всего парой фраз – в аудиторию входит лектор.

От него тянет крепким табаком; наследница высокого дома, сидящая почти вплотную, кривится.

– Что из прошлой лекции осталось непонятным? Вопросы? Или можем продолжать? – удивительно благосклонно бросает он и пристально смотрит на меня.

Я коротко киваю. Возражений больше не следует, и мы продолжаем.

Гном простукивает карандашом схему:

– Опоры. Голова опоры – «корона» из роликовых батарей. По четыре–шесть роликов в секции, шаг – по расчёту к провесу. Сверху – демпферы и ловители. Демпфер у нас слоями: кожа, варёная смола, войлок, ещё смола. Ловитель клиновый, срабатывает при сходе или обрыве зажима: клин в гнезде, зуб на канат не режет, а прижимает через бронзовую прокладку.

Он щёлкает следующей картинкой:

– Повороты и перевалы. На кривых участках – антиобледенительная жила: тонкий медный пояс по гребню роликов, греется от малых кристаллов через простую магосхему подкачки. В фундаменте каждой опоры – глифы отвода. Шальные выбросы из канала уводим в землю, чтоб канат не «звенел» и не ловил резонанс.

Крупный план зажима:

– Зажим съёмный. На станции кабина сходит с каната, крутит свой беговой путь, тормозит до посадочной скорости, люди вышли-зашли, потом зажим снова «кусает» канат. Безопасность простая, но ежедневная: чистые губки, момент затяжки по шкале, люфт – в ноль. Смена – визуальный осмотр; раз в неделю – динамометр; раз в месяц – неразрушающий: капиллярка и зеркало. Любая зазубрина – в карантин.

Он переводит лист на «канат» и останавливается, наконец, на стали:

– Теперь самое скучное и самое важное. Канат. Не «магия держит», а металл и расчёт. Канат многопрядный, оцинковка горячим способом, сердечник – стальной, а не льняной, чтобы не «дышал» в мороз. Проволока – пружинная сталь. Состав по месту держите в голове.

Кто-то с задних рядов бурчит «железо и так крепкое». Гном даже не смотрит туда:

– «Железо крепкое» у вас в ограде. В канате нужна сталь нужной чистоты и обработки, иначе вы получите не «воздушное метро», а «поминальный холм». Запомнили числа – живём; не запомнили – записали и живём. Да, сталь – вещь не простая. Но горы вокруг Мордора богаты и рудами, и строительным камнем. Разработки ведём, но пока в самом начале пути.

– Почему так медленно? – не выдерживает Блати.

– Вы про способ выемки руды?

– Да. Неужели тех полостей под Мордором мало? Мне кажется, ещё на сотню лет вперёд хватит! Способ чистый, аккуратный, но трудоёмкий и медленный. Его же держат для особо ценных или опасных пород.

– Какие предложения? – хмыкает лектор. – Взорвём пару хребтов?

– А почему нет? Господин Саурон мог бы защитить Мордор от последствий! – гордо бросает «курочка» из высокого дома.

– Мордор – может быть. А Великое Болото? А Давриэлия? Горы связаны куда крепче, чем кажется. И жизнь на вершинах – не пустяк: горные кошки, деревья горянки, что растут только там.

– Разве горянка не трава? – тянет незнакомый блондин с первого ряда.

– Горянка – дерево. Ежегодно наращивает листву настолько густо, что издали кажется травой. Крона стелется низко, до тридцати метров радиусом, – не удерживается Вирен.

– Можно же иначе. Гидроразрыв пластов, – предлагает Блати.

– Метод есть и работает. Но сейчас в Мордоре – запрет.

– Опять Саурон запретил? – интересуюсь я.

– Господин Саурон, – взвизгивает «курочка».

– Совместным решением основателей Гномьего Совета и, да, господина Саурона, – ровно подтверждает лектор.

Я слишком явно косо смотрю на «курочку». Она отвечает взглядом, как на последнего червяка в своём саду.

– Краснокожая дура! – выстреливает кто-то из парней.

Я встаю во весь рост, разворачиваюсь к залу. Внутри гудит огонь.

– Да, я красная. Так вышло. Извиняться не буду. Мне нравится.

Дверь скрипит. Кожей спины чувствую взгляд Тетрициэля.

– Заткнись, – шепчет кто-то блондину.

– Не надо затыкаться. Выскажите всё, что вам не по вкусу. Сразу, – предлагаю я.

– Чтоб нас твой охранник порвал?

– Даю слово, он ничего не сделает. Думаете, я сама хочу таскаться с этим эльфом? Вы хоть раз делали что-то запрещённое? Или стыдное, о чём нельзя сказать никому? Вот тут похвастаться не могу...

Лектор демонстративно захлопывает папку, гулко проходит по комнате и хлопает дверью. Дверь опять чуть приоткрывается.

– Кажется, лекция на сегодня закончилась, – комментирует Бранн.

– Это всё из-за краснокожей дуры, – не угомонится блондин.

– Да. Из-за меня, – отвечаю ему.

Дверь раскрывается, входит Тетрициэль.

– У кого ещё претензии? Красная кожа вам чем именно мешает? Не заразна. И в жёны я вам не навязываюсь. Мне, например, ваша бледная – тоже не в радость. Предпочитаю варианты поинтереснее, – отмечаю я.

– Например? – хохочет Вирен.

Провожу взглядом по рядам:

– Зелёный. Чёрный. Синий. Красный.

Внутри коротко благодарю Саурана: его тренировки язвами валили меня в истерики, но привычка держать лицо под его шпильками оказалась полезной. На их фоне здешние укусы – пустяк.

– Вот и встречайся с орком! – бросает «курочка».

– Саурон не разрешит, – парирую.

– Как будто ему есть дело! – срывается она почти на визг.

– Спроси его на следующем отборе.

«Курочка» осекается. Бранн довольно хмыкает. Кто-то шепчет: «Идиоты».

– Если всё, – говорю, – оформляйте претензии письменно. Обязательно. Разберём на следующем занятии.

Вытаскиваю из кармана заколку для Блати, дарю. Она выдыхает неловкое «спасибо», глаза круглые. Я прощаюсь только с ней и полуорком и выхожу.

Глава 8. Без лицензии

И только по дороге домой меня накрывает. Трясет. В голове роится сотня ответов, реплик, вариантов, как надо было реагировать. До комнаты доползаю на заплетающихся ногах – и даже лежать не получается. Мысли не выкинуть.

Заставляю себя переодеться в домашнее, но хочется вовсе без одежды: ткань лезет в кожу, зуд невыносимый. Воздух спертый; распахнутые настежь окна не помогают, даже когда комнату заливают лунный сиреневый свет.

Кажется, задыхаюсь. Внутри клубок раскалённых металлических нитей, туго, без щели под вдох. Выглядываю в коридор – пусто – и решаюсь. Пора. Если не выйду – взорвусь.

Выхожу на балкон. Примеряюсь к перилам, присаживаюсь, вцепляюсь, медленно разворачиваюсь наружу. Понимаю, что прыгнуть не решусь, поворачиваюсь обратно лицом к дому и ползу вниз, переставляя ноги, цепляясь за всё, что под руку попадает. Что-то неожиданно касается лодыжки – срываюсь. Тёплые руки скользят от голеней к талии, под мышки под платье, подхватывают и ставят на землю. Оборачиваюсь. Сивэль.

– Давно ты тут?

– С той минуты, как ты решила, что балкон – прекрасное место для ночного досуга.

Я жду вопросов, нотаций, но он молчит.

– Спасибо.

– Куда собралась?

– Видимо, домой, – бурчу обиженно.

– Странный маршрут. Зачем выбираться с балкона, чтобы вернуться?

– Потому что хотела не домой.

– По лестнице можно. Пойдём. Куда ты хочешь?

– Ты меня не... я... мы можем просто прогуляться?

– Запирать тебя по ночам мне не велено. Быть рядом – да. Если не против моего общества...

У калитки не верю глазам: он открывает, и мы выходим в туман ночного Гермеса. Дальше мерцает казино, ему подыгрывает таверна; над городом висят огромные призраки подсветки. Серые фонари режут туман узкими лучами. Улица молчит, будто склеп.

Я отстраняюсь от присутствия Сивэля, но давление внутри не отпускает. Обычно меня тянет к Болоту – там легче, – а сейчас тянет в другую сторону. Стоит двинуться к таверне – сердце бьётся ровнее. Останавливаюсь. Звук. Музыка? Ночью? Вряд ли легально. Оглядываюсь: дом семьи Лапрато. Полгода пустует; если не начнут ремонт до зимы, изымут и продадут – таков порядок, дядя Малфи решает по каждому.

Дом закрыт, вокруг глухой строительный забор. Подхожу ближе. По металлу бегут вибрации. Музыка идёт от забора. Не из дома – там глушилки, – а по металлу где-то тянет стык, и звук находит щель.

– Хочешь внутрь? – спрашивает Сивэль, прикасаясь ладонью к листу.

Коротко киваю.

Он идёт вдоль забора, ведёт пальцами по кромке, потом разворачивается, машет: сюда. Находит место, где лист поддаётся; отгибает край – пролезем.

К парадному входу он идёт уверенно, но я шепчу про чёрный. Находим. Как он открывает – не понимаю; может, и не было заперто. Внутри уже слышна музыка, играют явно без лицензии – скрываются, иначе конфисковали бы уже инструменты или того хуже. Музыка странная. Я скольжу ладонью по стене, иду на звук. Поворот. За занавеской – зал. И квартет. Пьют, играют, курят. Играют на разрыв, для себя, не «вкусно» для толпы: ошибаются, подхватывают, снова выводят ритм. Сивэль стоит сзади, слышу его дыхание. Он молчит.

Музыка меняет кожу. И вдруг я не чувствую ничего, кроме ритма. Нога. Рука. Взрыв перед глазами – закрывает обзор. Круг кистью. Шаг с выступом бедра – взрыв. Уши звенят; звон срастается с темпом. Фигура пальцами. Поворот головы – взрыв. И с каждым взрывом из меня вырываются какие-то фразы и слова. Не голосом. Внутренним эхом.

Глава 9. Кофий

Я просыпаюсь от чьей-то осторожной руки. Приятное лицо наклонено совсем близко.

– Нам пора. До пересменки недолго. Просыпайся, – шепчет он, легко трогая за плечо.

– Красивый... – сиплю я, пытаюсь уцепиться за парня из сна и не выплывать. Тянусь, хватаю за волосы – настоящие. Одёргиваю руку; сознание возвращается. В голове туман, но лёгкий.

– Просыпайся, – повторяет Сивэль. – Мне тебя сдать надо до пересменки.

– Ладно... Помоги встать.

Я лежу на старой диванной подушке, объёмной, явно принесённой сюда специально. Вокруг – следы вчерашней попойки; в углу аккуратно сложена посуда, чтобы не разбить. Музыкальных инструментов уже нет.

– Естественно, они сбежали, – кивает Сивэль, ловя мой взгляд. – Пойдём.

Поднимаюсь. Тело лёгкое, но идти не хочется совсем.

– А может, останемся? – канючу я.

– В каком смысле?

– Никуда не пойдём. Музыканты вернутся...

– Так ты их и меня подставишь. Вставай!

Он перестаёт церемониться и тянет за руку из дома, потом по улице. Я плетусь послушно, без воли, как коровка, которых выводят на северо-западе от Гермеса.

Сивэль доводит меня до ванной и даже приносит смену одежды. Дверь приоткрывается, внутрь просовывается рука с ворохом – трясёт вверх-вниз в немой тишине. Я хихикаю; за дверью тихо рычат. Приходится забирать.

Завтракать не хочется. К полудню оказываюсь на гальке у пруда. Станный пруд на территории дома завораживает. Тянет внутрь. По кольцам на его внутренней трубе, уходящей в тёмную бездну, взгляд сбивается. Снимаю туфли, опускаю ступни, болтаю ногами в полутрансе. Голова пустая.

Приходит Жанна. Проходит через калитку, видит меня с ногами в воде, всплескивает руками и тащит в дом.

– Лида, что ты творишь! Разве можно так сидеть? Диванов мало?

Разговаривать не хочется, пока она буквально не впихивает мне в руки пирожок. Румяный, пахнет обалденно. Откусываю – вкус детства: яйцо с зеленью и чесночными яблочками. Слёзы сами льются. Во рту кусок, а я рыдаю навзрыд; пирожок отбирают.

– Нельзя есть и рыдать! Поперхнёшься! – округляет глаза Жанна.

– Отдай! Вкусно! – шмыгаю носом.

– Как только успокоишься.

Она уходит на кухню, всё оглядываясь:

– Сейчас заварю тебе чего-нибудь успокаивающего... или бодрящего? Господин Саурон привёз новую партию «кофея». Я захватила.

– Эту гадость пусть сам пьёт, – всхлипываю.

– Он для тебя и привёз. Сам не пьёт, – вздыхает Жанна.

– Для меня? С чего ему решать, что мне нравится? Он заставил выращивать его на островах и теперь толкает через своих потомков. Я-то тут при чём?

– Господин уверен, что когда ты вырастешь, «кофий» понравится. Он его вывел, как только ты здесь появилась.

Жанна ставит передо мной густую чёрную жижу. Пахнет приятно... но вкус... Единственный, кто умеет готовить это сносно, – сам Саурон. Говорить Жанне, что у неё плохо получается, не хочется.

– Отдай пирожки, пожалуйста, – вздыхаю.

– Держи. С утра в башне никого: выходной. Ками куда-то по делам уехала, вот я и напекла сверх меры... решила навестить вас с мальчиками, – признаётся Жанна.

– «С мальчиками», – хихикаю. – Один из мальчиков лет на двадцать тебя старше.

– Это не значит, что мозгов у него больше, – фыркает она.

Я доедаю. Истерика не возвращается, но слёзы ещё случаются сами по себе.

– Сходила бы умыться. Развела тут сопли...

Когда возвращаюсь, вижу: и «мальчиков» она уже потчует. Сивэля, похоже, подняли не по его желанию, но он сидит прямо и кривится на каждом глотке «кофея», который Жанна в него вливает. У неё мягкая, насильная доброта: от неё не убежишь.

Мозг наконец просыпается. Презрительно глянув на Тетрициэля, присаживаюсь к компании. Похоже, Жанна тут не просто так: этот точно пожаловался Ками, а Ками, будучи «по делам», сдала меня Жанне. И, конечно, следующий вопрос:

– Чем ты занималась вчера?

– На курсах была.

– Расскажешь?

– Ну, курсы... лектор гном... несколько слушателей, – пожимаю плечами.

– Симпатичные мальчики есть? – сразу спрашивает она.

Я округляю глаза. От неё такого не ждала.

– Наверное. Не знаю. Не обратила внимание.

– Как это? У тебя что глаз нет?

– Там все жмутся вокруг другой девушки. И честно – там так сложно, что не до парней... зато есть гномка.

– Гномка? – Жанна огорчается.

– Гномка. Впервые увидела такую молодую, – обрываю подробности.

– И что, все парни вокруг неё? – удивленно бормочет Жанна.

– Нет. Там одна из потомков Саурана. Они её облепляют будто мухи... – спохватываюсь, перехватывая её взгляд.

– Кофея ещё сделать? – между делом спрашивает она у Сивэля. Испуг в его глазах – это надо видеть.

– Не трать на него ценный продукт, – спасаю охранника. – Я из него сегодня тортик сделаю.

– Тебе же не нравится!

– В крем добавлю. Мужики вернутся – оценят, – придумываю на ходу.

– И прекрасно. Я вашу кухню до отвала заполнила... – Жанна осекается. – Слышала, у вас были проблемы с плесенью, немного помогла.

– Спасибо.

– Ладно, засиделась. Дел невпроворот. Господин вернётся – столько всего надо... Пойду.

– Спасибо за визит и пирожки, – провожаю её.

Жанна упорхнула, а мне и правда пришлось решать, что сделать из противного «кофея». Заварила тесто, поставила молоко на ферментацию, стала выпекать тонкие коржи – медленно, упрямо, один за другим. К ночи выросла целая стопка. Осталось смешать «кофий» с сахаром и чем-то вроде густого молока... но свежести не хватало. Поздний час в лавки не пустит, в стазис-шкафу ни ягод, ни фруктов.

Идея приходит внезапно. Беру в комнате камень призыва Айрин и иду к пруду. Только подношу к пальцу кухонный нож, как запястье зажимают в стальные тиски. Рядом – Сивэль; я умудрилась забыть, что он вообще существует.

– У тебя что, привычка такая? – спокойно интересуется он.

– Какая такая? – огрызаюсь.

– Резать себя, – кивает на нож.

– Мне кровь нужна.

Он молчит. Ждёт объяснений.

– Для призыва. Капля, – вытягиваю камень.

– Мою возьми, – он ловко вынимает нож из моих пальцев, морщится на лезвие, достаёт свой кинжал и заносит над запястьем.

– Нет! – успеваю поймать его руку. – Твоя не пойдёт. Камень испортим. Чего ты боишься? Капля всего.

– Обязательно сейчас? Может, до утра подождёт? – пробует он по-другому.

– Не подождёт. Дай нож.

– Нет. Не было распоряжений давать тебе резаться.

Я кусаю щёку до крови, плюю на камень и швыряю его в пруд. Сивэль ошалеваает, но больше – от того, что через пару минут из глубины поднимается Айрин.

Белокурая красавица выходит на берег: огромные светло-голубые глаза, жемчужные волосы до пят – единственное «одеяние». Даже бывалого эльфа цепляет. До тех пор, пока она не открывает рот.

– Подарок решила сделать? Наконец-то научилась? – упирает руки в бока, хмыкает на Сивэля.

Он рефлекторно перехватывает кинжал.

– А, нет, – тянет русалка, морщит нос. – Меченый.

Я вспоминаю о метках на слугах и потомках Саурана – против русалочьей жажды.

– И чего вызвала тогда, пигалица? – переводит взгляд на меня.

– Тортик взялась печь... Ночь, ягод нет.

– Так вон, два шага в Болото – наберёшь краснушки.

– Не тот случай. И привкус у неё... Мне бы те синие, плотные, как у Водяного в дальних заводях, – объясняю на пальцах.

– Поняла. Сколько?

– Лукошко. Полное, – протягиваю заранее припасённую котомку. Жду цену: за услуги русалки надо заплатить.

– Заговор сочинишь, – деловито бросает Айрин. – В рыбацкой деревне один умник коров натаскал по моим озёрам. Я б и не против, да берега топчут. Водяной им протекцию дал – мужика трогать нельзя. На коров придумай. Иллюзии их не берут.

– Хорошо, – киваю.

Русалка хватается за лукошко и уходит под воду. Я остаюсь у пруда и думаю. Руки надо занять.

– Тебе нельзя колдовать, – шипит на ухо Сивэль.

– Я и не буду.

– «Заговор» – это что?

– Рифмованный текст. Передам – и сразу забуду. Применять не буду.

Кажется, его вот-вот разорвёт.

– Руки занять надо, – сообщаю и ухожу на кухню.

Смешиваю крем, шепчу под нос, перебирая строки: «копыто коснётся глади», «озёра не примут копыта»... Подбираю форму, чтобы коров от озёр Айрин отворачивало. Не в первый раз: как только отдаю его ей сразу забываю. Так и обходим запреты.

Возвращаюсь к пруду как раз когда Айрин появляется с ягодами.

– Дура ты. Пару часов подождала б – рынки открылись бы, – ворчит она, передавая лукошко.

– Может быть. Но я хочу закончить сейчас.

– Тронешься донести «про визит» – всех родственников сожру, – шуруется русалка на эльфа и ныряет.

Похоже, только теперь Сивэль по-настоящему понимает, куда попал.

Торт выходит отличный и увесистый. Эльф от куска отказывается. Я едва впихиваю блюдо в стазис-шкаф. С довольством иду спать.

Глава 10. Правила Саурона

Просыпаюсь поздно и, завтракая тортом с чаем, с неудовольствием наблюдаю возвращение дяди Малфи. Вдрызг пьяный, без иллюзий, он вваливается в дом и замирает на ковре под моим осуждающим взглядом. Весь в песке и пыли – снова ходил землей; на роге застряла водоросль, значит, до этого ещё и Водяной его по воде тащил. Вид отвратный, запах ещё хуже, с него капает грязь.

– Какой пример подаёшь ребёнку?.. Грязь по дому тащишь. Не мог хотя бы чуть помагичить перед входом, чтобы не быть таким грязным?

– Мой дом! Хочу – грязь тащу!

– Конечно. А кто ковер чистить будет?

– Сам!

– Удобно: сначала изгадим, потом исправим? Не проще сразу?

– Не могу я в таком состоянии... напутаю, – лепечет виновато.

– Совесть проснулась. Где остальные участники банкета? Операция прошла успешно?

– Успешно! – расплылся он в улыбке, поднял руку, будто хочет объяснить... На бархатно-чёрной коже прилипли хитиновые крошки каких-то рачков. Ему стало стыдно, он смолк. – Я тут пока посплю... Потом ковер исправлю.

И правда сворачивается калачиком на придверном ковре, укрывается плащом. Рога только торчат.

Просыпается он к вечеру второго выходного. На скорую руку очищается магией и сразу врывается ко мне в комнату. Видно еле сдерживается.

– Прости меня за такой приход, – цедит он сквозь зубы.

– За что? За то, что опять пьяным явился? Или за ковер? Ты его, кстати, исправил?

– Ты... ты... Это мой дом! Мой ковер! Хочу – порчу, хочу – выкидываю! В моём доме мои...

– Правила Саурона! – перекрикиваю я его.

Синие, как небо, глаза округляются. Даже высохшая, но испорченная землёй одежда будто шевелится.

– Ты не будешь тыкать мне тут Сауроном! Не он с тобой нянчится!

– Помню, что тебя «заставили». Все успели отказаться, а ты – нет? По праву слабейшего? – меня несёт.

Малфурион гудит от злости. Рога растут; правый ботинок трескается, из него выглядывает край копыта. Быстро, как разворачивающийся комок бумаги, он обретает боевую форму. Дольф объяснял: в таком виде он для меня даже безопаснее, чем в обычном – шаг в мою сторону, и убьёт, он это понимает, потому не тронет.

Копыто топает; пол под ним натужно скрипит. Возросший вдвое Малфурион фыркает, выдыхает облако пара мне в лицо и мотает головой, снося рогами верхнюю петлю двери. Дверь повисает на нижней, по диагонали. Взревевший зверь, величиной с орочьего брангыра, смотрит на меня, наклоняя рога, и загребает под себя очередной ковёр.

– В стазис-шкафу есть пару свежих ватрихтиков. Будешь? – хмыкаю. – Могу ещё сушёной бражницы предложить. Свежей нет, извини.

За его спиной раздаётся переливчатый, до боли знакомый смех. Малфурион оборачивается. В проёме, облокотившись на наличник, – Саурон. Откровенно ржёт над сценой.

– Овощами оборотня решила задобрить? – сияет разноцветный.

Малфурион «сдувается» до обычного роста, бросает на меня недобрый взгляд и уходит в комнату, придерживая лопнувшие штаны.

– Нам на совет с гномами, – сообщает Саурон. – Дверь пришлю кого-нибудь починить. – И исчезает в комнате Малфуриона. Через минуту там уже тихо.

А я встречаю осуждающий, взгляд посеревшего Тетрициэля, который оценивает мою слегка разрушенную комнату и меня.

Глава 11. Печать владельца

Я прихожу к зданию курсов заранее. Мы с Тетрициэлем прячемся в арке напротив: хочу перехватить Блати до входа.

Гномка бежит от станции, вдруг замирает у перехода. Достает свёрток, снимает с волос медную проволоку и закалывает их моей заколкой. Почему-то обидно.

Она трогается. Жду минуту и догоняю.

– Блати!

– Ой. Привет, – явно не ожидала меня здесь. Мы переходим дорогу, я останавливаю её.

– Тебе не нравится? – киваю на заколку.

– Нравится.

– Тогда что не так? Объясни. Я видела, как ты надела её перед тем, как прийти.

– Лида, она же дорогушая, – шепчет Блати, оглядываясь.

– Это плохо?

– Это странно. Увидят гномку с такими камнями – вопрос первый: «украли?». По мне же видно, что я не из привилегированных. – Смотрит пристально, вздыхает. – Ты понимаешь, сколько это стоит?

– Это как с недвижимостью? Нужно подтверждение?

– Стоит как дом в деревне, а то и больше. Бумаг не надо: на камнях печать владельца. Хороший маг или гном-ювелир подтвердит, что они мои. Ты, когда дарила, её активировала. Но вопросы всё равно будут: у прохожих, у семьи, в школе. И я не хочу всем это объяснять.

Про печати я не слышала, но вид делаю понятный.

– Я просто хотела... Твоя медная проволока – это ужас. Если это проблема, продай заколку. Только дай слово, что купишь такую, на которую никто косо не посмотрит.

– А с остальным что делать? – приподнимает брови.

– Не знаю. Мне-то какое дело?

Блати смеётся. Мы и правда живём в разных мирах.

– Девочки, я сегодня сяду с вами! – высокий голос сзади. Я подпрыгиваю.

Блати тут же каменеет; кулаки сжаты.

Поворачиваюсь. «Курочка» с курсов: перчатки, сумочка, шляпка – всё в тон. Перевожу взгляд на Блати: она напряжена, слова подбирает. План «курочки» ей не по душе. Я беру все на себя.

– Думаешь, можно подойти и заявить права на место?

– Ну вы же не оставите подругу в беде! Эти ухажёры меня измучили. Учиться невозможно, – жалуется она.

– Мне казалось, тебе нравятся танцы самцов, – говорю я.

– Са-са-самцов?! – «курочка» округляет глаза; нижняя губа дрожит.

– Ты чего? – шипит на меня Блати.

– Она же благосклонно принимала их ухаживания. Я видела, – объясняю уже гномке.

– Я... я не хотела конфликтовать, – лепечет «курочка». – Нас и так считают заносчивыми. Не хотела никого обидеть.

Блати выдыхает, как перед прыжком в воду:

– Ладно. Я не против. Если Лида не против.

– Сядешь со стороны двери, – припечатываю я.

– Перед Бранном, – кивает Блати. И зачем-то добавляет: – Полуорком. Если тебя не смущает.

– А почему это должно смущать? – искренне удивляюсь.

– Он что, позади меня сидеть будет?! – пытается возмутиться «курочка».

– Будет, – подтверждает гномка. – У него ноги длиннее, чем нужно. В проход вытягивает. Я смотрю на Блати с уважением. Наблюдательная.

– Меня зовут Мариэлла нио Брескироньо. Но вы и так знаете, – она протягивает руку. Мы не спешим её жать. Я гляжу на перчатки с презрением.

Мариэлла спохватывается, дёргает перчатки так резко, что едва не рвёт.

– А я – Блати, – усмехается гномка и крепко пожимает ей руку. – Высоких фамилий не имею.

– А я – Лида, – фыркаю. – Но ты это и так знаешь.

Мариэлла терпеливо ждёт и держит руку для меня слишком долго. Блати толкает меня локтем. Приходится смириться.

На курсах Мариэлла правда резко меняет тактику: не шепчется с парнями, сидит с нами и наравне с Блати разжёвывает основы. После занятий мы с ней в паре всё-таки дожимаем гномку и уводим в соседнюю чайную.

Пока ждём сэндвичи и тянем ледяной чай, обсуждаем непонятные места с лекции и самого лектора. Взгляд Мариэллы на заклочку Блати мне не нравится. Гномка тоже чувствует и меняет украшение на медную проволоку, прячет мой подарок в сумку.

К десерту разговор сам собой уходит к семье Блати. Оказалось, она одна из приёмных: её мать и ещё двух вдов взял в семью старший шахтёр. Брат Блати уже подмастерье у ювелира. Сама она ещё учится и берёт школьные подработки: их раскидывают по заданиям наугад, чтобы дети находили своё. Чаще всего гномки после замужества уходят в дом, поэтому на них как на учеников мало кто ставит, но подзаработать можно.

Мариэлла всё это время молча уплетает пирожные.

– Какие здесь вкусные «сливочные пальчики»! – она наконец радуется паузе.

– Да, но в ресторане Таверны лучше, – соглашаюсь.

– В ресторане Таверны? На улице Роз? – шепчет она.

– Ага. Там это непросто великолепно. И ещё сырный торт с краснушкой в сахаре.

– Кто тебе разрешил туда...

– Посмотрела бы я, кто запретит мэру Гермеса или Саурону. Там лучшая кухня в Мордоре.

Мариэлла вдруг смеётся, вытирает глаза платочком:

– Вспомнила. Три года назад. Тебе и правда нравится их кухня.

– С ней всё в порядке? – шепчет Блати.

– У нас тогда было... семейное собрание, – говорит Мариэлла. – Помню, как одна красная девочка пробралась и разграбила фуршет.

– Расскажи, – просит Блати, глядя уже на меня.

– В десять я нашла приглашение на отбор... для мэра Гермеса. Адрес, дресс-код, пропуск. И обещанный фуршет от Таверны. Решила, что грех пропускать. Попросила Тетрициэля показать дом заранее, сбежала и прошла по пропуску. Через чёрный ход попала в зал и как раз на фуршет.

Я облизываюсь при одном воспоминании.

– Налопалась. Больше всего – фаршированных яиц с икрой и каким-то волшебным соусом...

– И тебя никто не заметил? – не верит Блати.

– Конечно заметили, – отрезает Мариэлла. – Ты правда думаешь, господина Малфуриона «вдруг» позвали? Или что охранник «случайно» тебя потерял? Или что никто не видел красную девочку? Но, надо сказать тебе «спасибо»: возможно, моей сестре повезло на отборе именно потому, что во время ритуального танца господин Саурон был занят мелкой пигалицей, которая уснула под столом, обняв блюдо с яйцами, в луже собственной блевотины.

– Хочешь сказать...

– Хочу сказать: когда шёл танец, он схватил тебя и исчез минут на тридцать. Только прошу, на моём отборе без катастроф. В моем доме мне такая помощь не нужна, у меня-то магия есть.

– Он и тогда манипулировал мной?! – злость поднимается волной.

– Что тебя не устраивает? Он устроил тебе приключение, – припечатывает Мариэлла.

– Приключение?!

– Ну да: подкинул приглашение, показал дом, дал пропуск, накормил лучшим, потом разгрёб последствия. Для десятилетней – вполне.

Я выдыхаю. Это не отменяет манипуляций. Но.

Прощаюсь с девчонками как в тумане. Впрочем, туман опять опускается и на город, пока мы с эльфом идём домой.

Глава 12. Иллюзии

Перед домом останавливаюсь, оглядываю двор. Краски Ань-Гаррен уходят. Поднимаю голову: гостья-луна, что бывает две недели в год, уже стала яркой звездой и прячется за первой.

Вхожу. В общей Малфурион сидит за столиком с кружкой чая. Взгляд ничего хорошего не обещает. Делаю два шага от двери – и:

– Почему так поздно?

– Мисс была в чайной с сокурсницами. Без происшествий, – тут же отчитывается Тетрициэль.

Косо смотрю на него: «предатель». Кажется, охранника не проняло.

Малфурион отставляет чашку, облакачивается на трость обеими руками. Даже его иллюзия раздражает: мужчина неопределенного возраста, как все маги; длинная рыжая коса, серые глаза. Морщусь.

– Нам нужно поговорить, – говорит он.

– Тебе разве твой шпион не всё доложил?

– Тетрициэль не мой шпион.

– Вот именно, просто доносчик любому, кто попросит.

– Леди, вы живёте в доме господина Малфуриона... – начинает Тетрициэль.

– А могла бы с русалками. Если не забыл: наниматель у тебя Саурон. Значит, и в Болоте маялся бы со мной? – цежу я.

– Свободен, – отрезает Малфурион.

Тетрициэль уходит вниз.

– Что конкретно тебя не устраивает? – спрашивает Малфурион.

– Помимо постоянных запретов, манипуляций и вранья?

– Вранья?

– Даже сейчас ты не ты. Иллюзии – даже дома. Хочешь казаться старше и важнее?

Малфурион медленно снимает иллюзию. Она сползает, как шёлковый платок. Под ней – он настоящий: на вид не старше Сивэля и чем-то на него похож. Чёрная кожа, холодные синие глаза, грива тугих чёрных завитков. Мы с ним совсем разные. Впрочем, и с его маской – тоже.

– Запреты я снять не могу...

– Конечно. Ты же не хозяин.

– Чего?!

– Да ничего! Вы все зовёте себя моей семьёй, но никто ей не является. «Сын друга отца», «его протеже». Что это за родство? Отец, которого я видела пару раз и не в реальном теле. Меня будто похитили монстры!

– Тебе и так пошли навстречу. Теперь ты ещё и на курсы ходишь. Чего добиваешься?

– Не ты. Не тебе решать. Ты мне не отец. И воспитатель из тебя так себе. Не удивительно, что твоя жена...

Удар приходит в солнечное сплетение. Не рукой. Он даже пальцем не шевелит. Боль расходит волнами – я оседаю на пол. Кажется, вместе с волнами под ладонями гнётся мозаика; пальцы будто проваливаются в камень. Воздуха не хватает. Когда удаётся вдохнуть, наваждение уходит.

Поднимаюсь. Во рту – кровь. Пальцы наливаются пульсом; между фалангами будто крупная соль. Шевелю – по мозаике звенят крошки. Смотрю на Малфуриона и ощущаю острое желание убить чёрное рогатое чудовище. Светильники меняют цвет, по стенам бегут тени, воздух сохнет.

– Успокойся, – приказывает он.

– Даже с маленькой девочкой справиться не способен? – голос чужой, холодный.

– Мне говорили, что вы безжалостные, – он опускается на диван, вдруг усталый. – Но я не верил, что настолько...

«Вы?» Слово обжигает. Я остываю на пол-тона, подхожу ближе, чтобы слышать.

– Не думал, что в моём же доме меня будет третировать ребёнок, – бормочет он.

– Опять?! «Мой дом, мой ковёр, мои стулья»? – иду в атаку.

Он смотрит спокойно.

– Действительно, – смеётся неожиданно чисто. Почему – не понимаю.

Убивать расхотелось. Делаю ещё пару шагов и сажусь напротив.

– Пойми, – говорит он тише. – Я не враг тебе. Держать тебя здесь – не моя прихоть. Хочешь – прямо сейчас позовём Водяного, и переедешь к нему.

Я понимаю: нет. Не сейчас. У меня только начала появляться подруга. Цвета в общей приходят в норму, меня окончательно отпускает.

– Я хочу, чтобы мне перестали врать.

Он отворачивается.

– Почему ты не можешь просто прожить эти семь лет... уже почти шесть... без всего этого? Что с тобой не так? Почему ты не можешь быть обычной девочкой? Играть в куклы, менять платья и спокойно сидеть в комнате?

– Прекрасные у тебя представления о женщинах! Теперь ясно, почему тебя назначили моим опекуном. Это обучение, – смеюсь сквозь слёзы.

– Это наказание, – бросает он.

– Так прими его с честью. Чего сразу сдаёшься?

Глава 13. Принцев нет

Мне не даёт покоя одна мысль. Сивэль меня не сдаёт. Ни слова от Малфуриона про Айрин – понятно почему: она вполне убедительна. А вот что нет ни одного намёка на ночную прогулку... это уже звоночек. Я решаю проверить Сивэля.

Поздно вечером выглядываю в коридор: эльф сидит у двери. Заметив меня, тут же прячет кинжал за пояс. Я многозначительно киваю в сторону балкона и скрываюсь. Через пять минут, уже переодетая для приключений, выскальзываю из комнаты – эльфа нет. Пробираюсь на балкон. Пусто. Пока рассматриваю место своего предполагаемого падения замечаю в тени блеск лезвия. Он специально? Похоже, да: даёт понять, что ждёт внизу. Пошарив по перилам нащупываю ещё один сюрприз: канат с узлами по бокам, по нему можно спуститься как по лестнице. Вот это да! Чувствую себя героиней романа. Неловко сползаю. Сивэль снизу что-то делает с ним, канат отцепляется от перил и падает на землю. Я тихо смеюсь, пока он сворачивает верёвку и прячет под куст.

– Что смешного? – интересуется эльф, закончив.

– Ты будто тёмный из романа крадёшь меня. Свою возлюбленную, – театрально воздеваю руки к небу.

– Где ты набралась такой дури?

– Недавно прочитала один слащавый роман. Хотя и кровищи там хватает.

Мы выходим за калитку, перешёптываемся.

– Опять в заброшенный дом?

– Да.

– Думаешь, найти там музыкантов?

– Надеюсь.

– И что за история в романе?

– Семья темных аристократов, специализирующаяся на заказных убийствах и похищениях. Им приходит лёгкий заказ на убийство человеческой девушки, его отдают младшему сыну. А он влюбляется в жертву и похищает её из родительского дома ночью.

Сивэль слушает, не перебивает.

– Он заставляет её бежать вместе с ним – от родственников девушки и от своей семьи. Девушка постепенно влюбляется в похитителя...

– Большого идиотизма не слышал, – останавливается Сивэль у забора и пропускает меня внутрь. – Таких семей в Давриэлии быть не может. Ни один аристократ не будет пачкаться заказными убийствами, тем более связями с похитителями людей.

– Да? И кто же делает эту грязную работу? – тяну разочарованно, когда мы входим через чёрный ход.

Дом тихий, и уже понятно, что тут никого.

– В Академии обучают... – он мнётся. – Устранителей. Они работают только на короля. Иногда власть иначе не держится.

Я смотрю на него пристальнее, чем следует.

– Я не хочу тебе врать, – говорит он.

Понимаю, о чём речь. Он слышал мою ссору с Малфурионом, но и контракт с Сауроном он не в состоянии нарушить.

– Ну да... Мы же не в сказке, где тёмный принц спасает бедную девушку, – хмыкаю. – Да и было бы странно чтобы сын короля Давриэлии жил в таком месте и работал моим охранником.

Хожу по пустой комнате: с прошлого раза тут не изменилось ровным счетом ничего. Но корбит меня больше тишина, исходящая от Сивэля. Поднимаю на него голову; он напряжённо молчит. Вздыхаю брови в немом вопросе.

- У короля Маэдронда нет официальных наследников, – сообщает он.
- Как «нет»? Совсем нет ни одного тёмного принца?
- Есть пять принцесс, – уклончиво отвечает.
- Вот как... – мрачно отмечаю. Прямого ответа всё равно нет. – погоди. Ты не хочешь сказать, что один из моих охранников – принц Давриэлии?
- Принцев в Давриэлии нет.
- В Давриэлии нет, а тут есть?! – взвизгиваю.
- Не принц.
- Не принц? Сивэль, ты что, бастард короля Маэдронда?! – хриплю я от неожиданного предположения.
- Я не бастард! И как ты представляешь «потомка короля», обучавшегося на факультете убийц? – язвит он.
- Только не говори, что Тетрициэль... Не может быть!
- Сивэль молчит. Явно сказать он ничего не может, но молчание громче слов. Мысль начинает раскручиваться: хватаю Сивэля за руку и тяну к выходу, рассуждая вслух; он идёт молча.
- Значит, Тетрициэль – бастард... Но он здесь. Это точно замысел Саурана. В чём? Может, он наложил вето на принцев? Запретил тёмной королевской чете иметь сыновей?
- Мы протискиваемся через расшатанный лист забора.
- Зачем? Может, он сам себе место готовит. Умрёт король – Саурон женится на одной из дочерей и объединит Мордор с Давриэлией? Хотя скорее посадит своего наследника из «высоких семей», чтобы усилить контроль...
- Сивэль плетётся за мной, а я тащу его по ночной улочке.
- А может, Тетрициэль вовсе не бастард. Сын королевской четы. Они нарушили вето и скрывали его. Саурон прознал, поставил его «в охрану» ко мне – заодно и наказал, и контроль показал... – я захлопываю рот ладонью и пялюсь на хмыкающего Сивэля.
- Дотащив его до калитки, почти упираюсь в дверь, но он мягко отводит меня.
- Ты точно не умеешь тихо ходить по лестнице. Так что только балкон.
- Ха! Убийца возвращает «возлюбленную», разочаровавшись... и убить уже тоже не может, – хихикаю всю дорогу до комнаты, едва не срываясь с его самодельной «лестницы».

Глава 14. Ход красных

Весь день думаю, как поступить с Сивэлем. Хочу устроить проверку его честности... и очень хочу найти способ снова встретиться с музыкантами. Вечером снова вижу Сивэля за порогом комнаты. Подхожу, опускаюсь на колени, прижимаю его колено обеими ладонями и наклоняюсь ближе.

– У меня есть идея, как связаться с музыкантами, – шепчу, глядя в глаза.

– Если будешь шептать так даже из своей комнаты, я услышу, – мягко отодвигает он.

– За закрытой дверью?!

Он кивает. Я встаю.

– Это пугает... но не в этом суть. Можешь позаимствовать из запасов дяди Малфи пару бутылочек чего-нибудь дешёвого и горячительного? В кухне у него ящичек...

– Думаешь, он не заметит?

– Думаю. Если что, скажу, что с рецептами баловалась...

Сивэль бросает короткий взгляд на балкон.

– Да, потом снова в заброшку. Переоденусь только.

В очередной раз спустившись с балкона, зависаю на минуту, разглядывая эльфа. На бёдрах у него каким-то совсем неочевидным образом пристроены бутылки: обвязаны вокруг горлышка и держатся на поясе – будто два меча или инструменты ремонтника, которого я недавно видела в коридоре после курсов.

– Мы идём? – спрашивает он, уже сомневаясь в моей решимости.

– Идём! Только выглядишь так, будто собрался помочь дяде Малфи напиться...

Сивэль оглядывает себя и не находит ничего странного.

В заброшке ищу место, куда пристроить бутылки, чтобы музыканты нашли их и поняли, что это от меня. Посоветовавшись с Сивэлем, укладываем их на подушку, на которой я умудрилась уснуть, и прикрываем найденным где-то на втором этаже одеялом. Выглядит забавно.

– Сивэль, а когда я в прошлый раз уснула... что было дальше? И вообще долго это, – я обвожу комнату рукой, – длилось?

– Ты почти сразу упала... В группе была полуэльфа, сказала тебя не трогать, у её сестры, мол, такое бывало. Мы притащили подушку и устроили тебя тут. Музыканты хотели сразу сбежать... пришлось пообещать им, что никому не расскажу, кого здесь видел.

– И ты всё это время был с ними? Чем занимались?

– Пили, курили и играли. Пришлось присоединиться, чтобы формально стать соучастником, – кривит губы.

– Прости, – шепчу.

Выбираемся тем же путём. Я надеюсь, что мой сигнал сработает. По дороге домой останавливаю Сивэля между двумя фонарями. Там, где их лучи не достают до мостовой, мир кажется сиреневым сном... хотя темно. Эти странные фонари разрезают уютную ночь на безцветные куски: под ними краски выцветают, и мир становится плоским, будто нарисованным на бумаге.

– Не хочу так быстро возвращаться... постоим тут немного? – прошу.

Он утягивает меня глубже в проулок, где нас точно никто не увидит. Гадская мысль снова свернуть к романтике крутится, но давяю её... разница в возрасте ограничивает его сильнее любых договоров.

Минут через десять, надышавшись воздухом относительной свободы, двигаемся домой... но к балкону Сивэль меня не пускает. На первом этаже в окне мерцает свет.

– Нет смысла прятаться, нас ждут, – спокойно комментирует он.

Входим как положено. В общей за шахматами выпивают Саурон и Малфурион. Я замираю у двери, за мной – Сивэль.

– И чем это ты в такое время занимаешься? – без приветствия спрашивает Саурон, отставляя бокал.

– Мы гуляли...

– «Мы»?

– Мы! – заявляю, делаю шаг назад, врезаюсь в Сивэля и резко поворачиваюсь, целую его в шею. До лица не дотягиваюсь – высокий. Сивэль не шелохнётся.

Саурон одним взглядом отправляет его вниз. Забирает шахматную доску и кивает на место напротив. Медленно расставляет фигуры в исходное. Предлагает играть за красных; его – всегда чёрные. Шахматам лет триста: полупрозрачный камень, вставки серебра и золота, но мне сейчас не до созерцания работы какого-то гнома-волшебника. Он не спрашивает – просто ставит, зная, что у меня нет выбора.

– Ты как выбралась? – вмешивается Малфурион. Саурон, не отвлекаясь, подливает ему из бутылки, чокается и делает глоток.

– Что, запретишь ночные прогулки? – спрашиваю я Саурона, дождавшись, когда он закончит. Хожу первой.

Он отвечает неагрессивно. Симметрично выводит рядового, а потом генерала на длинную диагональ.

– М-м, дневные прогулки под запретом... ночные туда же? Может, ты, как он, думаешь, что все девочки должны сидеть в комнате и играть в куклы?

Перед ходом Саурон косится на Малфуриона. Взгляд непонятный.

– Я не запрещал дневные прогулки.

Беру рыцаря, верчу в пальцах и специально подставляю под министра:

– А Тетрициэль в курсе?

– У хозяина дома могли быть свои причины для рекомендаций... возможно, людей было слишком много, – говорит Саурон. Ход у меня слишком явный – он не ведётся, профилактически вставляет «затычку» рядовым.

– М-м... я тоже его собственность, получается?

– Официально ты моя дочь! – злится на фоне Малфурион, но его никто не слушает.

Я ещё агрессивнее двигаю рыцаря:

– Днём нельзя, потому что много людей. Ночью нельзя, потому что мало?

Саурон не выдерживает и забирает моего рыцаря министром.

– Он тебе нравится? – неожиданно спрашивает разноцветный эльф.

Делаю вид, что слишком увлечена партией:

– Некоторые эльфы бывают довольно красивыми...

– И это всё?

– А что ещё?

Саурон зависает с фигурой рядового в руках:

– Может, хочешь воспользоваться желанием на День рождения? Скоро новое...

– А толку? Учиться магии нельзя, просто учиться – тоже нельзя, питомцев нельзя, гулять нельзя... А ваши путешествия, которыми вы меня... – еле подбираю цензурное слово, – обманывали...

– Разве ты не была на Гитругарских островах?! – возмущается Малфурион.

– О да, дядя Малфи, это было великолепно: сидеть на самом дальнем острове и смотреть, как Саурон договаривается о сельхозработах. На замок столицы, как и на саму столицу, мне так и не дали посмотреть. Песок и море я могла наблюдать и в рыбацкой деревне... – В сердцах подставляю своего министра, Саурон тут же бьёт его рыцарем.

– Нормальная женщина пожелала бы себе собственный замок! – Малфурион осушает бокал и, увидев пустую бутылку, плетётся к своему ящичку с напитками. Открывает, зависает на секунду, но делает вид, что так и было.

Я замираю на секунду, но заставляю себя вернуться к партии.

– А замок может содержать библиотеку с книгами, которые вы запрещаете? – спрашиваю Саурана с хитринкой.

Он спокойно кивает.

– Но в библиотеку я не смогу попасть до двадцати?

– Сможешь, – тянет слишком сладко. Я замечаю: он специально не добивает, мог бы уже выиграть.

– Но книги брать не смогу?

– Сможешь, – ещё ласковее обещает Саурон.

– Они будут на эльфийском?

– Не обязательно. Но мыслишь в правильном направлении, – он слишком доволен, и не только потому, что дважды мог меня победить.

– Тогда мне загадывать нечего, – отрезаю и встаю.

– А закончить партию? – интересуется разноцветный эльф.

– Ты выиграл. Не вижу смысла продолжать.

– Тогда гуляй. Не зря же я нанимал Сивэля.

– Спасибо... – не верю своим ушам, но радоваться рано.

– Чего застыла, как статуя?

– Жду подвоха...

– Например? – он театрально разводит руками и прижимает их крест-накрест к груди, будто сердце болит.

– Например: «но будете брать с собой Тетрициэля», или «только если Малфурион разрешит», или...

– Иди сюда, – серьёзнееет он, доставая из кармана табличку. – Это карта призыва Аббадона. Сработает на крови. Можно, конечно, маслом, но там столько условий: не только плоскостной рисунок, масло поджечь... Слишком сложно. На твоей крови достаточно, и её нужно немного.

У меня глаза лезут из орбит: Саурон сам учит меня пользоваться магическим предметом.

– Это уменьшенная версия, по сути, инструкция. Внутренний круг – таким, чтобы туда поместился, условно, Дольф; все остальные линии и площади должны быть строго подобны, пропорции соблюдать.

Я киваю так, что в голове скрипит.

– Если призыв не на твоей крови – призывающий погибнет. Так что карточку не теряй, а лучше заучивай на память, чтобы ни одной закорючкой не ошибиться. И вызывать только в крайнем случае. Если случай будет кровавый, можешь использовать чужую кровь, но учти: умрут все вокруг, кроме тебя. Думай. На этом круге призыва нет защиты, – улыбается хищно.

Я хватаю табличку, прижимаю к груди, потом всё-таки вглядываюсь, стараясь запомнить всё, пока Саурон не передумал.

– Сивэль! – орёт Саурон. – Проводи девочку до комнаты... Похоже, сама по лестнице не поднимется, – хмыкает он.

Глава 15. Пустыня для ведьмы

Наверное, такого странного ощущения у меня ещё не было: не радость и не эйфория, а что-то запретно яркое. Боюсь упустить возможность. Понимаю, что, скорее всего, никогда не воспользуюсь призывом... и всё равно, как безумная, заучиваю каждую черточку и изгиб. Полночи. Тетради кончаются, как и альбом, что когда-то подарил Водяной. Рисовать не умею и не собираюсь, таланта и интереса нет... зато сейчас пригождается. Засыпаю на чистом упрямстве.

Утром готовлю завтрак и принимаюсь скатывать ковры, отодвигать мебель в общей. Шумлю. Тетрициэль забирает свою долю завтрака и уходит, решив не мешать. А мог бы и помочь.

Когда заканчиваю, слышу, как он занимается снаружи – оттачивает навыки.

Решаю ещё раз попробовать наладить отношения с Сивэлем. Стучу в комнату тёмных. Молчание. Стучу настойчивее. Дверь открывается, и заспанный, не вполне одетый Сивэль предстаёт передо мной с мученическим выражением лица. Пытаюсь снова его поцеловать, но он вовремя отстраняется.

– Спасибо. Но знаешь, моим мужикам всегда нравится, когда я целую их в щёчку – знак благодарности, – пожимаю плечами, разыгрывая невинность.

– Я спать хочу, – сипит эльф.

– Приятных сновидений.

Возвращаюсь в общую. Хватаю мешочек с мукой, разбрасываю по полу... Этого мало. Высыпаю ещё и соль. По этому «ковру» начинаю чертить схему призыва в нормальной величине. За этим занятием меня застаёт Малфурион. Он ещё слегка покорёжен со вчерашнего – угадывается по неуверенным движениям, но по иллюзии не видно.

– Ты что творишь? – рычит он, переступив порог.

– Тренируюсь.

В его голове гремит бунт, но он держится.

– Ты со вчера в таком состоянии? Продлеваешь удовольствие? – поддеваю.

– Да уж, надо бы привести себя в порядок, – на удивление мирно произносит он. Понимает, что к кухне с заветным шкафчиком не пройти, не замаравшись в моих выкрутасах, выходит и возвращается уже без иллюзии, свежий, хоть и недовольный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.